

УТРЕННИЙ ВЫПУСКЪ.

Объявления за строку петитъ или
заним. егъ мѣсто: въ Латвіи въ текстѣ
1 л. 50 сантим., позади текста 38 сантим., не
носящ. торг. характера до 15 стр. — 29
сантим., предлож. и спросъ труда 10 сантим.,
включая городск. налогъ. Для заграничн.
8 англ. пенсовъ за строку

Редакція. Rīgā, Dzīrnavu ielā 57.
Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. — 21733
и 21334, ночная редакція — 21334.

Главная контора и экспедиція: Rīgā,
Dzīrnavu ielā 57. Тел. конторы 21090
телеф. рекламнаго отдѣла 21225

СЕГОДНЯ

19-й г. изд.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

№ 125

Пятница.
7 мая 1937 г.

Цѣна номера въ Латвіи 12 сантим.,
въ Литвѣ за оба изд. 50 пенг. Подписная
плата на „Сегодня“ въ мѣсяцъ (за
7 номер. въ недѣлю) въ Латвіи 3 Л. 75 сантим.,
за границей 6 англ. шилл. и 6 пенс. (6,5 англ.
шилл.). Подп. плата на „Сегодня“ и
„Сегодня Вечеромъ“ (13 ном. въ нед.)
въ Латвіи Л. 6 — загл. 10 англ. шилл.

„Вишневый садъ“ на польской сценѣ.

Критика и зритель. — Неудачная мобилизация лучших сил. — „Плохая пресса“. Вишневый садъ безъ аромата.

(Отъ варшавскаго корреспондента «Сегодня».)

Даже самые злые критики только что состоявшейся въ Варшавѣ постановки чеховскаго «Вишневого сада» говорятъ объ исключительномъ интересѣ, съ которымъ польскіе театральные круги и польская интеллигенція ожидали этого спектакля. Мнѣ не пришлось читать ни одной хвалебной рецензіи, но пока еще печальная пресса, которую имѣетъ постановка Чехова на самой крупной сценѣ Польши, не отразилась на сборѣ: интересъ широкихъ круговъ столичныхъ зрителей къ пьесѣ русскаго писателя, несомнѣнно, очень великъ.

Польскій театр въ Варшавѣ, — это — сцена «большахъ» постановокъ. Шекспиръ, Мицкевичъ, Мольеръ, польскій монументальный драматургъ г. Растворовскій, Бернардъ Шоу, — вотъ имена творцовъ, чей голосъ раздается со сцены этого театра. Передъ зрителемъ проходятъ художественные эксперименты самыхъ интересныхъ режиссеровъ, наиболѣе славныя имена польскихъ артистовъ украшаютъ программы спектаклей. Подготавливая «Вишневый садъ», выбрали очень даровитаго режиссера (Зембинскаго), мобилизовали лучшихъ артистическихъ силъ, (Шибилко-Потоцкая, молодая, очень даровитая Жабинская, «король» польскаго сценическаго искусства Кааимиръ Юноша-Стемповскій, превосходные актеры Самборскій, Фриче, Курнаковичъ и др.) Использовали и одаренную молодежь, но совершили рядъ ошибокъ, начиная съ выбора режиссера: молодой Зембинскій не имѣетъ представленія о томъ потребномъ мирѣ, который онъ долженъ былъ восстановить на сценѣ. Роли были распределены нѣвѣрно, спектакль былъ лишень того аромата лавки миноваго прошлаго, безъ котораго онъ не имѣетъ ни малѣйшей плѣнкости и становится просто скучнымъ, декорация была бадалю-дешевы (Боже мой, какими безнадёжными дубомъ были вѣтви и деревья вишневаго сада не только въ воспріятіи тѣхъ, кто помнитъ —

а можно развѣ забыть? — Добужанскаго!), роли были старательно, но, въ большинствѣ своемъ, безпомощно разработаны.

Выдающийся польскій поэтъ, пишущій рецензіи въ одной изъ самыхъ вліятельныхъ газетъ Польши, обрушивается на «людей старой Россіи», путая вымиравшее аграрное дворянство типа Раневской-Гаева и др., съ русской интеллигенціею конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Онъ противопоставляетъ моральному и душевному распаду этихъ обреченныхъ людей ту силу духа, которую въ олицетворяетъ въ польской жизни знаменитый поэтъ и драматургъ Вислянскій, и благодаритъ судьбу за то, что вліятельный голосъ поэта спасъ польское общество отъ того разрушенія, въ которомъ погибла старая Россія. Авторъ этой рецензіи — сравнительно молодой человекъ, и любопытно, что въ немъ весь домъ Раневской будитъ чувство ненависти, не вызывая никакой жалости. Другой критикъ, очень крупный польскій писатель, готовъ вклучить самого Чехова въ этотъ миръ «былыхъ людей». Многие критики не скрываютъ, что во всей чеховской пьесѣ имъ многое остается не только чуждымъ (это — ясно), но и непонятнымъ.

Невозможно запрашивается вопросъ, нужно-ли именно теперь въ Польшѣ показывать «Вишневый садъ»? Между тѣмъ, въ пьесѣ есть моменты, даже слова, которыя гораздо ближе къ польской современности, чѣмъ къ мироушесному, напр., молодого советскаго зрителя. Такъ, напр., «спардегация» дворянскаго имѣнія, какъ и весь процессъ разоренія аристократическаго землевладѣнія — злободневная тема въ польской жизни, независимо отъ понятныхъ оцѣнокъ и бытовыхъ, и психологическихъ.

Режиссеръ не положилъ въ основу своей сценической постановки никакой, имъ самимъ отчетливо осознанной, идеи. Онъ не почувствовалъ,

что, при всей «привычкѣ» Раневской къ Лонахину, онъ остается для нея все-таки «чужимъ мужемъ», бывшимъ деревенскимъ босонотымъ мальчишкой: въ варшавской постановкѣ, Лонахинъ и въ первыхъ двухъ актахъ совершенно равноправный членъ этого дворянскаго общества. Спектакль не имѣлъ никакого аромата: мертвъ былъ цвѣтъ вишневыхъ деревьевъ, не благоухалъ декорационный фонъ, по казенному написаннаго, лута во второмъ актѣ. Къ сожалѣнію, всякаго аромата была лишена и въ исполненіи замѣчательнаго Юноша-Стемповскаго незабываемая фигура Гаева. Его знаменитый монологъ, обращенный къ «многочулаемому шкафу», разсосался въ общей безцвѣтности спектакля; красочно выделялся только Епиходовъ, котораго игралъ, съ исключительнымъ мастерствомъ и чувствомъ художественной мѣры, даровитый молодой актеръ Вошеровичъ. Въ польской передачѣ «22 несчастія» звучали «спотвора несчастія», а классическое «не могу одобрить нашего климата» было плоско переведено: «не правится мнѣ нашъ климатъ». Но отъ этой мелочи не пострадалъ тонкій рисунокъ превосходнаго исполненія.

Польская критика пишетъ, что сопоставленіе постановки Станиславскаго съ варшавскимъ спектаклемъ говорить не въ пользу послѣдняго. И не нужно сопоставлять: видѣвшіе Чехова въ Художественномъ театрѣ нигдеже оравлены этимъ неповторимымъ искусствомъ, но варшавская постановка неудачна, совершенно независимо отъ всякихъ сравненій. Режиссеръ — весь отъ динамики сценическаго дѣйствія — прекрасно справился съ болѣе третьюю акта, съ остротой, хохотомъ и весельемъ этой лебединой пѣсни «вишневаго сада», но драматизмъ заключительной сцены — и сценно отбѣда, и появленія забытаго Фирса, слова котораго совершенно не достаютъ до зрителя, и едва слышныя удары (точно монотонно,

«Вишневый садъ» въ Варшавѣ.

Раневская (г-жа Шибилко-Потоцкая), Симеонъ-Пищикъ (г. Курнаковичъ), Фриче (г. Фриче), Лонахинъ (г. Самборскій), Гаевъ (г. Юноша - Стемповскій).

а не топороми) по срубленнымъ деревьямъ, — все это пропало, все это «не слышно». Въ этой досадной режиссерской неудачѣ потонули и блестящій актеръ петербургской драматической школы Курнаковичъ (Симеонъ-Пищикъ).

Но интересъ культурнаго польскаго зрителя

спектакль привлекаетъ къ себѣ старыхъ плеса Чехова даетъ современному польскому интеллигенту не мало темъ для размышленія. Многие отъ стараго мира погибли, но «обломки кораблекрушенія» еще несутся по волнамъ житейскаго океана.

Н. ВОЛКОВСКИЙ.